

© 2020. В. И. Мельник

Перервинская духовная семинария
г. Москва, Россия

**«Совокупность всех сил русской жизни...»
(И. А. Гончаров о сильной России)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-012-00221*

В статье тема «Гончаров и Россия» впервые разрабатывается в плане историософских идей романиста, а также в рамках уваровской формулы: «Православие, самодержавие, народность». Оба подхода соотнесены с представлениями И. А. Гончарова о сильной России. Писатель начал задумываться о цивилизационно и культурно развитой России еще в 1830–1840-е гг., когда начал службу в департаменте внешней торговли, где статистика убеждала его в экономическом отставании России от стран Европы. Путешествие на фрегате «Паллада» значительно расширило кругозор Гончарова и внесло конкретику в его размышления над этой проблемой. Критически относясь к крепостному праву, Гончаров считал основой силы государства свободный творческий труд, который он осмысливал не только как экономическую, но и как религиозную категорию, поскольку рассматривал историю цивилизации прежде всего как соработничество Творцу. Как и частный человек, нация, в представлении Гончарова, имеет свою миссию, выполнение которой возможно при расцвете всех ее сил, при свободном труде и сплоченности вокруг национальной идеи. Образец дружного труда всех сословий Гончаров увидел в Сибири, показал его в сибирских главах «Фрегата “Паллады”». Опора писателя на формулу графа С. С. Уварова находит выражение в «Необыкновенной истории», в очерке «Литературный вечер» и реализуется в символике образа «бабушки России» в романе «Обрыв».

Ключевые слова: Гончаров, Россия, государство, свободный труд, религиозная историософия, историческая миссия нации, Православие, самодержавие, народность.

Информация об авторе: Мельник Владимир Иванович, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>, доктор филологических наук, профессор, Перервинская духовная семинария, ул. Шоссейная, 82 г, 109383, г. Москва, Россия

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 22.10.2020

Дата публикации статьи: 08.12.2020

Для цитирования: Мельник В. И. «Совокупность всех сил русской жизни...» (И. А. Гончаров о сильной России) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. №4. С. 118–135. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-118-135>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Vladimir I. Melnik
Pererva Theological Seminary
Moscow, Russia

“The totality of all the forces of Russian life ...” (Ivan Goncharov about strong Russia)

*The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00221*

In the article, the topic “Ivan Goncharov and Russia” is first developed in terms of the historiographical ideas of the novelist, as well as within the framework of Sergey Uvarov’s formula: “Orthodoxy, Autocracy, and Nationality”. Both approaches are correlated with Ivan Goncharov’s ideas about strong Russia. The writer began to think about civilisationally and culturally developed Russia back in the 1830s–1840s, when he began serving in the Department of Foreign Trade, where statistics convinced him of Russia’s economic lag behind European countries. The trip on board of the frigate “Pallada” significantly broadened Ivan Goncharov’s horizons and brought specificity to his reflections on this problem. Critically regarding serfdom, Ivan Goncharov considered free creative labour to be the basis of the state’s strength, which he interpreted not only as an economic but also as a religious category, since he viewed the history of civilisation primarily as a collaboration with the Creator. Like a private person, a nation, in Ivan Goncharov’s view, just as well has its own mission, the fulfillment of which is possible when all its forces flourish, with free labour and solidarity around the national idea. Ivan Goncharov saw an example of friendly work of all classes in Siberia, showed it in the Siberian chapters of “Frigate “Pallada””. The writer’s reliance on the formula of Count Sergey Uvarov finds expression in “An Uncommon History”, in the essay “A Literary Evening” and is realised in the symbolism of the image of “Grandmother Russia” in the novel “The Precipice”.

Keywords: Ivan Goncharov, Russia, state, free labour, religious historiography, historical mission of nation, Orthodoxy, autocracy, nationality.

Information about the author: Vladimir I. Melnik, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>, DSc in Philology, Professor, Pererva Theological Seminary, Shosseynaya street, 82 g, 109383, Moscow, Russia

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: October 22, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Melnik V. I. “The totality of all the forces of Russian life ...” (Ivan Goncharov about strong Russia) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 118–135. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-118-135>

Тема «Гончаров и Россия» кажется лежащей на поверхности, поскольку очевидно, что автор «Обломова» наиболее характерно и полно представляет национальный менталитет и, несомненно, является одним из самых *русских* писателей в истории отечественной литературы. Однако специальных трудов, аналитически разрабатывающих эту тему, до сих пор весьма немного.

В большинстве работ, так или иначе затрагивающих проблему, предметом рассмотрения становится весьма общо понимаемый «образ России», как, например, в статьях В. А. Михельсона [Михельсон 1966; Михельсон 1970]. Большей конкретностью отличаются работы, в которых поднимается проблема русского менталитета или его восприятия за рубежом [Скатов]. В монографии Е. А. Краснощековой «Гончаров. Мир творчества» есть раздел «Образ России», посвященный проблеме сравнительных соотношений во «Фрегате “Паллада”» русского и иностранного. Но и здесь тема представлена несколько общо: «“Мир России” предстает во “Фрегате “Паллада”» как в ностальгических картинах оставленной родины, так и в описаниях жизни на фрегате, портретах членов экипажа (офицеров и рядовых русских людей — матросов)...» [Краснощекова: 203]. Сравнение «своего и чужого» (Обломов — Штольц и пр.) неоднократно привлекало внимание исследователей [Мельник 1994; Чубарова; Ермоленко и др.]. Тема России рассмотрена В. В. Рецовым в контексте женской образности романа «Обрыв» [Рецов]. Порою тема России граничит с темой русской провинции [Старыгина].

При всем разнообразии подходов проблема пока не поставлена как таковая, ибо тема России у И. А. Гончарова относится к разряду «всепроникающих». Еще будучи молодым человеком, он опубликовал «Сон Обломова», в котором тонкая и незлобная ирония в изображении русского человека тесно сплелась с горячей, неподдельной и вряд ли подлежащей окончательному определению любовью к родному краю.

Ясно, однако, что для романиста Россия, несомненно, — очень личная тема: «*То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений, воспоминаний, и я писал только то, что переживал, что мыслил, что любил, что близко видел и знал...*» [Гончаров 1952–1955. 8: 113].

В настоящей работе мы затронем лишь один, но весьма важный аспект, который поможет обозначить аналитические границы проблемы. Поскольку писатель воспринимал все явления жизни в свете идеи духовной судьбы человека и человечества [Мельник 2019], то размышления о России также подчинены этой идее и органично вписываются в общую логику его творчества. Как отдельный человек, так и нация, в представлении Гончарова, имеет свое «задание» от Бога, свою миссию, выполнение которой возможно при расцвете всех ее сил, условием чего является свободный труд и сплоченность вокруг национальной идеи. Эта, в основе своей, идущая от Гегеля концепция имела широкое распространение, в частности, ее развивал в своих статьях В. Г. Белинский, а затем использовал в своих духовных построениях философ В. Соловьев [Соловьев]. Мысль о роли наций в истории была чрезвычайно важна и для Ф. М. Достоевского: «Судьба распределила между ними (народами — *В. М.*) задачи: развить ту или другую сторону общего человека... только тогда человечество и совершит полный цикл своего развития, когда каждый народ, применительно к условиям своего материального состояния, исполнит свою задачу» [Достоевский 20: 19–20]. Редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич в «Опыте исторического обзора главных систем философии истории» писал, что каждый народ «выполняет свою роль: как атом, вместе с другими себе подобными составляет целое, называемое человечеством...» [Стасюлевич 1866: 200]. Эта же мысль определяла во многом гончаровский патриотизм, размышления писателя о задачах русского общества в целом и русского человека-деятеля как представителя своей нации. В «Необыкновенной истории» сказано: «Каждая нация рождается, живет и вносит свои силы и работу в общую человеческую массу, изживает свой период и исчезает, оставив свой неизгладимый след!» [Гончаров 2000: 256]. Сам Гончаров со временем все более задумывался об исторической роли России, ее месте в кругу других народов, о ее спо-

способности выполнить свою историческую миссию, то есть о «сильной России».

Говоря о сильной России в понимании Гончарова, необходимо различать культурно-цивилизационный и государственно-политический аспекты. Над культурно-цивилизационными проблемами развития России писатель, вероятно, должен был размышлять еще в университете, в период личностного становления, но особенно с того момента, когда он поступил на государственную службу в департамент внешней торговли в качестве переводчика (середина 1830-х гг.). Известно, что в его ведение входили документы по Таможенному и Ссудному отделениям, а также по общей канцелярии. «Через его руки должны были проходить самые разнообразные дела, в той или иной мере затрагивавшие деятельность всего департамента... те немногие документы, которые удалось выявить, ясно свидетельствуют о том, что писатель был в курсе основных экономических проблем, стоявших в те годы перед Россией» [Муратов: 38, 54]. Несмотря на незначительные должности, которые Гончаров в 1840-е гг. занимал в своем департаменте, его государственный кругозор оказывался весьма широк еще и благодаря дружеским связям с реформаторски мыслящими и хорошо информированными чиновниками, в частности, с правителем канцелярии департамента В. А. Солоницыным [Гончаров 1997–2017. 15: 525–526].

Вчитываясь в бумаги департамента внешней торговли, Гончаров уже не теоретически, а на практике обнаруживал, что современный строй вещей зиждется на капиталах, оборотах, предприимчивом труде. Начиная ощущать пульс того, что сегодня зовется «мировой экономикой». Будущий писатель весьма чувствительно переживал то, что сравнение с европейскими государствами в департаментских «цифрах» чаще всего было не в пользу России. Отсюда постоянное сочетание выражения любви к России и одновременно критического настроения к правительству и многим явлениям русской жизни. Об эпохе Николая I он скажет уже в 1870-е гг. в «Заметках о личности Белинского»: «Снаружи казалось все так прибрано, казисто; общество выделяло из себя замечательных, даже блестящих единиц в разных сферах деятельности, на вершинах его лежал очень тонкий слой общеевропейской культуры. Но масса общества покоилась в дремоте, жила рутинной и преданиями и не готовилась еще идти навстречу тем реформам, мысль о которых

уже зрела в высших правительственных сферах...» [Гончаров 1952–1955. 8: 54].

Мечта об экономически и культурно сильной России сопровождала Гончарова во время его путешествия на фрегате «Паллада». Основой этой силы писатель считал свободный творческий труд, который он осмысливал не только как экономическую, но и как религиозную категорию, ибо рассматривал историю человеческой цивилизации прежде всего как соработничество Творцу. По его мнению, человечество в лице отдельных наций призвано «превращать пустыни в сады» во всех сферах человеческой деятельности. Писатель рассматривает труд как средство исторического творчества человека и человечества. Это творчество воплощено для автора «Фрегата “Паллады”» и «Обрыва» в образе-символе сада, возникающего на месте пустыни. Это образ, идущий из глубины христианской традиции, — причем имеется в виду не только мифологема «Рая», «Райского сада», заключенная в Библии. Гончаров осмысливает земную жизнь и самую землю как сад и работу в нем. Отсюда его мысль о возвращении через труд и преобразующую деятельность Богу его даров (возвращение «долга»). Возвращение Богу «плода» от брошенного «зерна» — эта мысль заключена уже в Библии, например, в книге пророка Исая: «Как дождь и снег исходит с неба и туда не возвращается, но напоит землю и делает ее способною рождать и произрастать... так и слово Мое, которое исходит из Уст Моих, — оно не возвращается ко мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис. 55, 10–11).

Именно глобальная мысль о христианском цивилизовании мира лежит в основе гончаровской книги «Фрегат “Паллада”». Во время своей «кругосветки» писатель окончательно уверяется, что развитие культуры и цивилизации — есть одно из важнейших заданий Творца для человечества. В таком представлении о «культурном христианстве» уже проглядывали черты русской религиозной философии Серебряного века, предтечей которой, в известной мере, следует признать и Гончарова.

В контексте своих размышлений о свободном труде (и вообще большей, чем в центральной России, свободе личности и «русскости»: см. его отзыв о владыке Иннокентии Вениаминове и генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве) миссию России Гончаров связывал с освоением Сибири: «И когда совсем готовый, населенный и

просвещенный край, некогда темный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание... Это те же люди, которые в одном углу мира подали голос к уничтожению торговли черными, а в другом учили алеутов и курильцев жить и молиться — и вот они же создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее, и теперь хотят возвратить Творцу плод брошенного Им зерна. А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом» [Гончаров 1997–2017. 2: 677–678]. Не случайно, говоря о Сибири, Гончаров акцентирует мысль о свободном труде: «Этого никогда не было в Сибири, и это, то есть отсутствие следов крепостного права, составляет самую заметную черту ее физиономии» [Гончаров 1997–2017. 2: 710]. В главе «Из Якутска» автор показывает примеры живого преобразующего труда, подающего ему надежду на расцвет в недалеком будущем русских национальных сил: «Несмотря, однако ж, на продолжительность зимы, на лютость стужи, как все шевелится здесь, в краю! Я теперь живой, заезжий свидетель того химически-исторического процесса, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикари возводятся в чин человека, религия и цивилизация борются с дикостью и вызывают к жизни спящие силы» [Гончаров 1997–2017. 2: 677]. Развитие цивилизации в Сибири писатель-путешественник рассматривает как национально самобытный вариант «прогресса», подчеркивая различия с «цивилизаторской» деятельностью англичан и американцев, представляющих западноевропейские католические и протестантские государства. Он прямо говорит о «русском, самобытном примере цивилизации, которому не худо бы поучиться некоторым европейским судам, плавающим от Ост-Индии до Китая и обратно» [Гончаров 1997–2017. 2: 685].

Писатель ревностно относился к отставанию России в экономическом плане от Западной Европы и США. Критикуя, например, агрессивную политику и нравственность американцев, он восхищается американской техникой. Описывая фабрику в Маниле, он замечает: «Машины привезены из Америки: мы видали на фабриках эти стальные станки, колеса; знаете, как они отделаны, выполированы, как красивы, — и тут тоже: взял бы да и поставил где-нибудь в зале, как украшение...» [Гончаров 1997–2017. 2: 568]. В письме к А. С. Норову от 1853 г. он делится своими впечатлениями: «Но всего занимательнее было ... видеть победу англичан над природой, невежеством, зверями,

людьми всех цветов, и между прочим, над голландцами. Оценив, что сделали англичане в короткое время своего господства над капской колонией и что могли бы сделать и не сделали в двухсотлетнее пребывание там голландцы, не пожалеешь о последних. Девиз их, кажется, везде, куда они ни пробрались: делать мало для себя и ничего для других; девиз англичан, напротив: большую часть для себя, а все вместе для других. Я не англоман, но не могу, иногда даже нехотя, не отдать им справедливости» [Гончаров 1997–2017. 15: 196]. Мечта о свободном творческом труде продиктовала Гончарову образы Штольца в «Обломове» и Тушина в «Обрыве». Следя за успехами науки и техники в Западной Европе, Гончаров с горечью восклицал: «... у нас не заговорила ещё своя, русская наука, своё искусство, своя деятельность!» [Гончаров 1952–1955. 8: 436].

Другая, государственно-политическая, сторона «сильной России», о которой размышляет Гончаров, начала открываться ему в основном после кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», в период его цензорской и редакторской служебной деятельности, когда он занимал высокие и ответственные должности и, так или иначе, был частью государственной машины. Например, Гончаров как цензор и редактор официальной газеты «Северная почта» должен был реагировать — и реагировал — на польское восстание 1863 г., на сложные процессы, которые проходили в Остзейском крае и пр. Сразу скажем, что романист, хотя и шел на определенные служебные компромиссы, ни в чем не отклонялся от личной позиции, позиции русского патриота и государственника. Главные вопросы, которые волнуют Гончарова в период написания «Обрыва» (1869) и позже — это вопросы веры и прогрессирующего атеизма, вопросы единства нации и крепости российской государственности, сословных противоречий и разрыва между «отцами» и «детьми». Анализ показывает, что в подходе к этим проблемам Гончаров опирался на известную формулу графа С. С. Уварова «Православие, самодержавие, народность», которую писатель несколько раз напрямую воспроизводит в своих публицистических и критических текстах. Сильную Россию в государственном смысле Гончаров делает предметом рассмотрения прежде всего в романе «Обрыв», в «Необыкновенной истории» и в очерке «Литературный вечер» (1880).

Считается, что уваровская формула после итогов Крымской войны и начала реформ Александра II стала терять свою актуальность, однако

консервативная, тем более чиновничья часть общества, в том числе и Гончаров, не считала, что реформы 1860-х гг. и уваровская установка на единство всех национальных сил несовместимы. Для Гончарова крайне важно это единство, или, по его выражению, «совокупность всех сил русской жизни». В какой-то мере образцом такого единства была для него Пруссия начала 1870-х гг., сумевшая совершить прорыв и стать во главе объединенной Германии. Об этом он сказал в письме к С. А. Толстой: «Вообще у нас много какого-то разлада, нет той совокупности, слитности сил и элементов, дающей такую крепость, например, Пруссии» [Гончаров 1952–1955. 8: 435].

Стремление разрешить вопрос «слитности сил и элементов» у Гончарова базировалось на широкой платформе либерального консерватизма и, главное, личностной, художнической позиции, что не сближало его ни с западниками, ни со славянофилами. Это была позиция государственника, апеллировавшего к традиции и здравому смыслу. Размышляя об «обрывах», которые могут ждать Россию, он, прежде всего, говорил о первом члене уваровской формулы — Православии. Как автор романной трилогии, как художник вообще, он сознательно посвятил свое творчество укреплению религиозного сознания общества. О религиозном охлаждении общества Гончаров писал в «Необыкновенной истории»: «Человек, жизнь и наука — стали в положение разлада, борьбы друг с другом: работа, т. е. борьба кипит — и что выйдет из этой борьбы — никто не знает! Явление совершается, мы живем в центре этого вихря, в момент жаркой схватки — и конца ни видеть, ни предвидеть не можем!

Но продолжительное ожидание переходит в утомление, в равнодушие. Вот враг, с которым приходится бороться: равнодушие! А бороться нельзя и нечем! Против него нет ни морального, ни материального оружия! Он не спорит, не противится, не возражает, молчит и только спускается все ниже и ниже нуля, как ртуть в термометре. От этого равнодушия, на наших глазах, пало тысячелетнее папство!» [Гончаров 2000: 272]. В этом плане нигилисты были лишь малой частью тех, кто, по мнению писателя, вносил разлад в единство русского общества.

Второй отряд «раскольников», мешающих осуществлению мечты о «сильной России», это «космополиты», за которыми Гончаров не может не признать определенную правоту: «Космополиты говорят или думают так: “Вы, русские, сидите там с своим православием, самодержави-

ем и народностью — и досидитесь до того под гнетом эти трех начал, что вас со всех сторон, как море, окружают и потопят просветившиеся, свободные, развившиеся люди, все соединенное человечество... англо-саксонские расы — англичан, американцев, немцев да живой подвижной дух и ум французов обойдут и преобразят весь мир, вольный мир вольных, всемогущих людей, целое человечество и задавят вас! А вы еще не смеее даже думать и говорить вслух, ни двигаться свободно, в вас подавлен ум, дух, мысль, воля — нет у вас ни науки, ни искусства... все ваши хваленые народные силы и способности пропадают даром, подавленные угодничеством, произволом, страхом, детскою болезнью... Мы — уйдем от вас и будем жить с человечеством и для человечества!». Вот вкратце, сжато — космополитическая точка зрения!» [Гончаров 2000: 255–256]. Во всем этом для Гончарова было много правды. Он наблюдал цивилизационный прорыв западных государств лично во время плавания на «Палладе» и, конечно, обсуждал с адмиралом Е. В. Путятиным, стоящим на сходных политических позициях. Путятин был человеком чрезвычайно деятельным. Характерно это отразилось в его письме к министру просвещения А. С. Норову: «К стыду нашему, все католические и даже, протестантские нации, при всяком открытии политических и торговых связей с новыми племенами, первым делом считают распространение между ними истин религиозных и тем всегда успевают образовать партию, расположенную к ним не из одних материальных выгод. Будучи лишены этой святой ревности, мы еще хвалимся пред всеми, что прозелитизм не есть свойство православия, тогда как в этом нам служит укором вся история христианства, начиная от апостольских и до наших времен.

Пора выйти из этого заблуждения и неслыханное равнодушие к этому предмету заменить тем большим рвением к проповеди евангельской, чем далее мы находились в теперешнем усыплении. Первым делом нашего высшего духовенства должно быть образование миссионерских училищ, в которых с малолетства следует вселять и обращать в первую потребность эту высшую степень христианской любви. Сверх сего, изучение языков и всего, что может споспешествовать успеху проповеди... Если в скором времени не примутся за это, то трудно нам будет стоять за истину православия; видимые факты будут вопиять противу нас: недостаток жизненных сил духовенства и нужных мер со стороны правительства, заботящегося о расширении своих пре-

делов и не помышляющего о распространении царства Того, Кем все держится» [Русский Архив. Цит. по: Гончаров 1997–2017. 3: 521–522]. Миссионерская тема во «Фрегате “Паллада”» раскрыта во многом в ключе путятинского взгляда на проблему. Писателя глубоко поразила и воодушевила фигура русского миссионера — святителя Иннокентия (Вениаминова). В письме к Майковым от 13 января 1855 г. Гончаров восторженно характеризует владыку Иннокентия: «Здесь есть величавые и колоссальные патриоты. В Якутске, например, преосвященный Иннокентий: как бы хотелось мне познакомить Вас с ним. Тут-то бы увидели русские черты лица, русский склад ума и русскую коренную, но живую речь. Он очень умен, знает много и не подавлен схоластикой, как многие наши духовные, а всё потому, что кончил ученье не в академии, а в Иркутске и потом прямо пошел учить и религии, и жизни алеутов, колош, а теперь учит якутов. Вот он-то патриот. Мы с ним читывали газеты, и он трепещет, как юноша, при каждой счастливой вести о наших победах» [Гончаров 1997–2017. 15: 243–244].

Хотя Гончаров должен был признать теоретическую справедливость критики уваровской формулировки космополитами, однако он решительно опровергает самую сущность космополитизма — с позиций государственника: «... никакой солдат, с каким-нибудь своим особенным ультра-философским и свободным взглядом на войну, — не может перебежать из своих рядов к неприятелю, не обесчестив себя! Гражданин нации... есть ни что иное как ее единица, солдат в рядах... Пусть он в теории... делает выводы, строит доктрины, но он обязан служить злобе дня... Если бы все народы и слились когда-нибудь в общую массу человечества, с уничтожением наций, языков, правлений и т. д., так это, конечно, после того, когда каждый из них сделает весь свой вклад в общую кассу человечества: вклад своих совокупных национальных сил — ума, творчества духа и воли! Каждая нация рождается, живет и вносит свои силы и работу в общую человеческую массу, изживает свой период и исчезает, оставив свой неизгладимый след!... Поэтому всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан — есть преступник даже и с космополитической точки зрения! Он то же, что беглый солдат!... Надо прежде делать для своего народа, потом для человечества и во имя человечества!» [Гончаров 2000: 256]. Отщепенчество от своего народа, по мнению Гончарова, чрезвычайно опасно, так как вносит разлад в един-

ство нации, являющееся главным условием ее достойного места среди других развитых народов.

Наконец, романист протестует против пренебрежения к родному языку, столь характерному для высших классов. «Никогда Россия, говоря по-французски и по-английски, не займет следующего ей места, то есть центра и главы славянских народов, как у нас многие надеются (а с ними и я, конечно...)... Вон немцы на что надеются, прокладывая себе путь оружием направо и налево: «wo die deutsche Zunge klingt!» («Где немецкий язык звучит!»). Вот что ведет их! Не мудрено, что наши балтийские немцы знать не хотят русской речи: потому что она и в России звучит слабо! Мы сами в обществе от нее отмахиваемся. Поляки тоже не хотят учиться по-русски, говоря, что у них литература сильна, наука богата, язык отлично выработан — потому что, как и в Германии, и во Франции, и в Англии — литература, не как роскошь, не особенное какое-то занятие, а как воздух должна питать все общество — быть его насущной пищей и т. д. А пока останутся хоть двое русских, которые будут говорить между собою по-французски или по-английски, до тех пор мы не приобретем ни за границей, ни между славянами той моральной силы, какую имеют Англия, Франция, Германия, Италия и имели по очереди все старые государства!» [Гончаров 1952–1955. 8: 437]. Прежде всего, речь идет о дворянстве: «И именно: наш высший класс, а за ним, в подражание ему, и средние классы — стараются не говорить на нем даже между собою!» [Гончаров 1952–1955. 8: 436]¹.

Таким образом, Гончаров показывает, что в стране в настоящий момент нет «слитности сил и элементов». Тем не менее, писателю был свойственен неистребимый исторический оптимизм, базирующийся на несокрушимой вере, с одной стороны, в благой Промысл Божий о

---

¹ Впрочем, в «Материалах, заготавливаемых для статьи об Островском» Гончаров уточняет: «... “высший круг”, в понимании русского искусства и в симпатии к нему, сходит уже на второй план, уступая первенство тем из русских людей, которые воспитались и прочно образовались не только в духе русских политических, общественных и других интересов, которых обязан держаться и «beau monde», но и в русских нравах, среди русского быта, преимущественно и больше всего владеют и русским складом ума и коренным русским языком. В этом во всем и заключается истинная и великая разница между “beau monde” и средним русским классом, то есть в цельности, чистоте и прочности русского образования и воспитания» [Гончаров 1952–1955. 8: 175–176].

человечестве, а с другой — в здоровье коренных начал России, в то, что все перечисленное — лишь временные болезни и трудности, которые «бабушка Россия» поможет преодолеть своим детям и внукам, как это не раз уже бывало и прежде. В «Материалах, заготовливаемых для статьи об Островском» (1874) Гончаров пишет: «Все это миновало: мы пережили и тевтонов, и татар, и уделы, и ляхов, и двенадцать язык — и сквозь все это Русь пронесла и вынесла доднесь свои старые, родовые черты, крепкие нравы, свой коренной быт...» [Гончаров 1952–1955. 8: 180]. Автор «Обрыва» выражает надежду на то, что хотя «бабушка-Россия» и совершает порою ошибки, но найдет в себе силы и на этот раз собрать вокруг себя и объединить молодые силы.

Мысль о неизбежности сохранения коренных начал России нашла выражение в романе «Обрыв», в котором уже стареющий Гончаров впервые ввел в роман не мать, как это было в «Обыкновенной истории» и «Обломове», а бабушку, что подчеркнуло мягкость патриархальных отношений старой доброй России к своим заблудшим внукам, в том числе и к Волохову. Образ бабушки-России Гончаров комментирует сам в письме к П. Валуеву от 27 декабря 1877 г.: «...в бабушке отразилась (как клочок неба в пруде) сильная, властная, консервативная часть Руси, которой эта старуха есть миниатюрная аллегория. Она идет вперед медленно, с оглядкой, нехотя уступая времени, но идет, потому что, несмотря на старые, вековые свои привычки, она честна и практически мудра, и знает, что — ни стоять, ни назад идти нельзя. Она властная — и любит держать детей в руках и в своей воле, стараясь водить на детских помочах, — не только младшую, робкую и покорную внучку Марфиньку, но и самостоятельную, пытливую и смелую Веру (молодую интеллигенцию). И бабушка и Вера — обе ошиблись: одна, не дав некоторой свободы, другая совсем оторвавшись от воли бабушки» [Гончаров 1906: 51–52].

В очерке «Литературный вечер» (1880) Чешнев выражает мысль о том, что под внешней разрозненностью национальных сил Россия все-таки сохраняет традиционные объединяющие душевные и духовные начала: «...национальность... в духе единения мысли, чувств, в совокупности всех сил русской жизни!.. Русский народ выполняет... свою великую и национальную и человеческую задачу... в ней ровно и дружно работают все силы великого народа, от царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, все, как муравьи, живут, работают, как буд-

то вразброд: думают, чувствуют про себя и для себя... но лишь только явится туча на горизонте, загремит война, постигнет Россию зараза, голод... как соединяются все нравственные и вещественные силы, как все сливается в одно чувство, в одну мысль, в одну волю... Барин, мужик, купец — все идут на одну общую работу, на одно дело, на один труд, несут миллионы и копейки... и умирают, если нужно — и как умирают! Перед вами уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики — а одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя — Россия!» [Гончаров 1977–1980. 7: 105–106]. В этих пассажах отразилось, прежде всего, восприятие Гончаровым Отечественной войны 1812 г. (отчасти и через роман Л. Н. Толстого «Война и мир»), Крымской войны, в которой ему самому пришлось проявлять определенный героизм, русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. и т. д. И снова приходится говорить о Сибири как центральном элементе государственной историософии Гончарова, ибо именно в Сибири писатель воочию увидел «слитность национальных сил», их напряжение в экстремальных условиях: «Изменяется вид и форма самой почвы, смягчается стужа, из земли извлекается теплота и растительность — словом, творится то же, что творится, по словам Гумбольдта, с материками и островами посредством тайных сил природы. Кто же, спросят, этот титан, который ворочает и сушей и водой? Кто меняет почву и климат? Титанов много, целый легион; и все тут замешаны, в этой лаборатории: дворяне, духовные, купцы, поселяне — все призваны к труду и работают неутомимо» [Гончаров 1997–2017. 2: 677]. Здесь содержится буквальный перифраз выражения из «Литературного вечера»: «Барин, мужик, купец — все идут на одну общую работу, на одно дело, на один труд».

В романе «Обрыв» Гончаров также смоделировал эту ситуацию «необычайного напряжения сил», проверяющую способность нации к единению, ситуацию «очистительной грозы», после которой обновляются и «соединяются все нравственные и вещественные силы» нации. Главные герои романа, предстающие в начале произведения как живущие разрозненно, «как будто вразброд», думающие и чувствующие про себя (бабушка таит старый грех, Вера живет скрытной жизнью, Райский отягощен эгоистическим, нездоровым опытом петербургской жизни), проходят через очистительную грозу падения Веры, через покаяние — и объединяются общей бедой. Вот причина, по которой образу бабушки

придана аллегорическая статуарность¹, поддержанная историческими параллелями с «древней еврейкой», «Марфой-Посадницей», декабристками. Это действительно — «великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя — Россия». В финале романа статуарна и вся группа: бабушка, Вера, Марфенька: «За ним все стояли и горячо звали к себе — его три фигуры: его Вера, его Марфенька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе — еще другая, исполинская фигура, другая великая “бабушка” — Россия». Словом «Россия» и заканчивается «Обрыв», а вместе с ним и вся романная трилогия Гончарова.

Напрасно было бы думать, что следование уваровской триаде выдает в Гончарове мертвящую официальность, тем более «имперскость» [Бодрова, Гуськов]. Он слишком большой художник, его представление о «сильной России» и о служении ей формировалось прежде всего в рамках его личностных, художнических, «честных», по его словам, устремлений, о которых он написал в письме к М. М. Стасюлевичу от 4 июня 1868 г.: «Мои идеалы, образы, картины, цели и направления — так чисты и честны, как только сам Бог может вложить их в человеческую душу. И я чувствую, что Он вложил их в меня, чтобы наравне с другими честными людьми, честно, по силам, служить обществу и правительству вместе т. е. России» [Стасюлевич 1912. 4: 12].

Чистота и честность, о которых говорит здесь писатель, имеют своим истоком постоянное и неукоснительное стремление к главной идее, эпически развернувшейся в его творчестве, идее духовного спасения [Волкова; Беляева: 49]. Смысловое расширение этой идеи охватывало в его романах все: человека, нацию, все человечество. Все, от мала до велика, должны, в его понимании, вернуть Богу «плод» от дарованных Им евангельских «талантов».

Список литературы

Беляева И. А. Сюжет спасения в русском классическом романе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 44–52.

Бодрова А., Гуськов С. Литература на службе империи, империя на службе литературы: к интерпретации финала романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Новое литературное обозрение. 2020. № 4 (164). С. 177–194.

---

¹ Образ бабушки как статуи России рассматривался в некоторых работах. Например, см.: [Савкина; Бодрова, Гуськов].

Волкова Е. И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе. М.: НОПАЗ, 2001. 284 с.

И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву. 1877–1882. СПб.: Тип. Воейкова, 1906. С. 51–52.

И. А. Гончаров. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН; «Наследие», 2000. 736 с.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1–15. СПб.: Наука, 1997–2017.

Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1977–1980.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Ермоленко Г. Н. Россия и Европа в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Культура и письменность славянского мира: Сб. материалов междунар. науч. конф. 24 мая 2006 г. Смоленск: Смолен. гос. ун-т, 2007. С. 103–111.

Краснощечкова Е. А. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. СПб.: «Пушкинский фонд», 1997. С. 202–219.

Мельник В. И. Духовный путь И. А. Гончарова. По страницам жизни автора «Обломова». М.: Вече. 2019. 448 с.

Мельник В. И. «Русские немцы» в жизни и творчестве И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: (Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова) / отв. ред. И. А. Кутейников. Ульяновск, 1994. С. 102–112.

Михельсон В. А. Россия как тема «Фрегата “Паллада”»: («Обратный путь через Сибирь») // Статьи о литературе. Краснодар, 1966. С. 67–88.

Михельсон В. А. Россия в «Фрегате “Паллада”»: («До Иркутска») // Романтики и реалисты: (Ст. о рус. и зарубеж. лит. XIX–XX вв.). Науч. тр. / Краснодар. пед. ин-т; Вып. 121. Краснодар, 1970. С. 108–119.

Муратов А. Б. И. А. Гончаров в министерстве финансов // И. А. Гончаров. Новые материалы. Ульяновск: Приволжское книжное издательство, 1976. С. 37–57.

Рецов В. В. Тема России в контексте системы женских образов в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Славянская культура: источники, традиции, взаимодействие. М., 2008. С. 294–300.

Русский Архив. 1899. № 1. С. 198–199.

Савкина И. «Другая великая бабушка — Россия» // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков. М.: РГУ, 2010. С. 88–99.

Скатов Н. Н. Образ России у русских писателей за рубежом // Образ России: Россия и русские в восприятии Запада: Прилож. к альм. «Канун» / ИРЛИ; ред. колл.: В. Е. Багно, П. Р. Заборов, Н. Н. Скатов. СПб., 1998. С. 285–304.

Соловьев В. Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 186–204.

Старыгина Н. Н. Россия как пространство в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Жизнь провинции как феномен духовности. Всероссийская научная конференция с международным участием, 12–14 ноября 2009 г. Сборник статей. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2010. С. 55–68.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. Т. 4 / Под ред. М. К. Лемке. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1912. 518 с.

[Стасюлевич М. М.] Опыт исторического обзора главных систем философии истории / [Соч.] М. Стасюлевича. СПб.: тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 506 с.

Чубарова В. Н. Россия и Запад в философской проблематике романа И. А. Гончарова «Обломов» // Литература в диалоге культур: Материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д.: Ростов. гос. ун-т, 2003. С. 51–59.

References

Belyaeva I. A. *Syuzhet spaseniya v russkom klassicheskom romane* [The story of salvation in the Russian classic novel]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. Scientific reports of the higher school]. Moscow, 2016, № 6, pp. 44–52. (In Russ.)

Bodrova A., Guskov S. *Literatura na sluzhbe imperii, imperiya na sluzhbe literatury: k interpretacii finala romana I. A. Goncharova “Obryv”* [Literature in the service of the Empire, Empire in the service of literature: to the interpretation of the finale of I. A. Goncharov’s novel “the Cliff”]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. Moscow, 2020, № 4 (164), pp. 177–194. (In Russ.)

Volkova E. I. *Syuzhet o spasenii v russkoj, anglijskoj i amerikanskoj literature* [The story of salvation in Russian, English and American literature]. Moscow, NOPAYAZ Publ., 2001, 284 p. (In Russ.)

I. A. Goncharov v neizdannyh pis'mah k grafu P. A. Valuevu. 1877–1882 [I. A. Goncharov in unpublished letters to count P. A. Valuev. 1877–1882]. Petersburg, Voeykov printing house Publ., 1906, pp. 51–52. (In Russ.)

I. A. Goncharov. *Materialy i issledovaniia. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 102.* [Materials and research. Literary heritage, Vol. 102]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000, 736 p. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch.: v 20 t.* [Complete Works in 20 vols]. Petersburg, Nauka Publ., 1997–2017. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1978–1980. (In Russ.)

Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Ermolenko G. N. *Rossiya i Evropa v romane I. A. Goncharova “Obломov”* [Russia and Europe in I. A. Goncharov’s novel “Obломov”]. *Kul'tura i pis'mennost' slavyanskogo mira: Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. 24 maya 2006 g.* [Culture and writing of the Slavic world: Collection of materials of the international journal. scientific Conf. May 24, 2006]. Smolensk: Smolensk state University Publ., 2007, pp. 103–111. (In Russ.)

Krasnoshchekova E. A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov. Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov. The world of creativity]. Saint Petersburg: Pushkin Foundation Publ., 1997, pp. 202–219. (In Russ.)

Melnik V. I. *Duhovnyj put' I. A. Goncharova. Po stranicam zhizni avtora “Obломova”* [Spiritual path of I. A. Goncharov. On the pages of the life of the author of “Obломov”]. Moscow: Veche Publ., 2019. 448 p. (In Russ.)

Melnik V. I. *“Russkie nemcy” v zhizni i tvorchestve I. A. Goncharova* [“Russian Germans” in the life and work of I. A. Goncharov] I. A. Goncharov: (Materialy mezhdunar.

konf., posvyashch. 180-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova. [I. A. Goncharov: (Materials of the international Conf., dedicated to 180th anniversary of the birth of I. A. Goncharov)]. Ulyanovsk, 1994, pp. 102–112. (In Russ.)

Mikhelson V. A. *Rossiya kak tema "Fregata «Pallada»": ("Obratnyj put' cherez Sibir")* [Russia as the theme of the "Pallada Frigate": ("the Return journey through Siberia")]. *Stat'i o literature* [Articles about literature]. Krasnodar, 1966, pp. 67–88. (In Russ.)

Mikhelson V. A. *Rossiya v "Frigate «Pallada»": ("Do Irkutsk")* [Russia in frigate "Pallada": ("To Irkutsk")]. *Romantiki i realisty: (St. o rus. i zarubezh. lit. XIX–XX vv.)* [Romantics and realists: (articles about Russian and foreign literature XIX–XX centuries). Scientific works of the Krasnodar pedagogical Institute; Issue 121]. Krasnodar, 1970, pp. 108–119. (In Russ.)

Muratov A. B. *I. A. Goncharov v ministerstve finansov* [I. A. Goncharov in the Ministry of Finance]. *I. A. Goncharov. Novye materialy* [I. A. Goncharov. New material]. Ulyanovsk: Privolzhsky book publishing house Publ., 1976, pp. 37–57.

Retsov V. V. *Temu Rossii v kontekste sistemy zhenskikh obrazov v romane I. A. Goncharova "Obryv"* [The theme of Russia in the context of the system of female images in the novel "the Cliff" by I. A. Goncharov]. *Slavyanskaya kul'tura: istochniki, tradicii, vzaimodejstvie* [Slavic culture: sources, traditions, interaction]. Moscow: ИКАР Publ., 2008, pp. 294–300. (In Russ.)

Russkij Arhiv [Russian Archive]. 1899, № 1, pp. 198–199. (In Russ.)

Savkina I. *"Drugaya velikaya babushka — Rossiya"* ["Another great grandmother-Russia"]. *Konstrukty nacional'noj identichnosti v russkoj kul'ture XVIII–XIX vekov* [Constructs of national identity in Russian culture of the XVIII–XIX centuries]. Moscow: RSUH Publ., 2010, pp. 88–99. (In Russ.)

Skatov N. N. *Obraz Rossii u russkikh pisatelej za rubezhom* [The Image of Russia among Russian writers abroad]. *Obraz Rossii: Rossiya i russkie v vospriyatii Zapada* [The Image of Russia: Russia and the Russians in the perception of the West]. Saint Petersburg: IRLI Publ., 1998, pp. 285–304. (In Russ.)

Solovyov V. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: Respublika Publ., 1992, pp. 186–204. (In Russ.)

Starygina N. N. *Rossiya kak prostranstvo v romane I. A. Goncharova "Obyknovennaya istoriya"* [Russia as a space in I. A. Goncharov's novel "Ordinary history"] *Zhizn' provincii kak fenomen duhovnosti. Life of the province as a phenomenon of spirituality*. [Provincial life as a phenomenon of spirituality]. Nizhnij Novgorod, 2009, pp. 55–68. (In Russ.)

M. M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ih perepiske. V 5 t. T. 4 [M. M. Stasyulevich and his contemporaries in their correspondence. In 5 vols. Vol. 4]. Saint Petersburg: Stasyulevich printing house Publ., 1912, 518 p. (In Russ.)

[Stasyulevich M. M.] *Opyt istoricheskogo obzora glavnyh sistem filosofii istorii* [Experience of historical review of the main systems of philosophy of history. Stasyulevich's essay]. Saint Petersburg: Printing house of F. S. Sushchinskii Publ., 1866. 506 p. (In Russ.)

Chubarova V. N. *Rossiya i Zapad v filosofskoj problematike romana I. A. Goncharova "Obломov"* [Russia and the West in the philosophical problematics of I. A. Goncharov's novel "Obломov"]. [Literature in the dialogue of cultures]. Rostov-on-don, Rostov. state. university Publ., 2003, pp. 51–59. (In Russ.)